

Армейские будни оказались делом не только изматывающим, но и крайне неустроенным в бытовом плане.

Едва прибыв в лагерь и застелив койку, Сяо Цзичун первым делом разведал обстановку. Самым важным вопросом для него было расположение душевых. Однако вечером, когда пришло время готовиться ко сну, его ждало известие, граничащее с катастрофой.

— Душевая у нас тесновата, да и горячей воды на всех не напасешься, — объявил приставленный к ним инструктор. — Так что она — только для девчонок. Парни, придумайте что-нибудь: в умывальниках ополоснетесь. Мужики вы или кто? Нечего нежничать.

Сяо Цзичун замер, не в силах переварить услышанное.

Многим ребятам, что в детстве носились по полям сверкая голыми пятками, а в средней школе без зазрения совести плескались в речке, было совершенно наплевать на ледяную воду в общественном туалете. Но Цзичун был другим. Он с детства привык к определенному комфорту и чистоплотности, а перспектива тесниться голышом среди толпы потных парней вызвала у него острое отторжение.

Но и не мыться было нельзя. После тяжелого дня, пропитанного грязью и соленым потом, любой бы взвыл без воды.

Пока остальные потянулись на помывку, Цзичун в мрачном расположении духа остался сидеть на кровати Янь Жаня с книгой в руках.

Труд «1587, год без значимости», заданный отцом, он уже одолел. Теперь пришел черед материнского поручения — дарвиновского «Происхождения видов». Имя Дарвина гремело на весь мир, но само чтение казалось Сяо Цзичуну еще более занудным, чем «1587, год без значимости». Мать заставляла его взяться за этот фолиант еще в средней школе, но он раз за разом застревал на первых страницах. Сейчас, когда деваться было некуда, он просто бегло проглядывал текст, чтобы не уснуть. К счастью, бывшие рассказы матери об эволюции помогли уловить суть даже при таком темпе.

Считалось, что совместный поход в баню — высшее проявление мужской дружбы.

Однако Янь Жань, едва представив себя в душе рядом с Сяо Цзичуном, ощущал такой приступ необъяснимой робости и мандража, что не решался даже об этом думать. Как только объявили, что мыться придется холодной водой, он схватил таз с полотенцем и первым делом умчался в умывальную комнату, так и не решившись позвать друга с собой.

Несмотря на спешку, занять удобное место не удалось.

В тесном помещении, едва ли достигавшем двадцати квадратов, на этаж в сотню человек уже яблоку было негде упасть. Высокие и коренастые, поджарые и полные, смуглые и бледные — знакомые и нет — все теснились над своими тазами, обливаясь водой или помогая друг другу тереть спины.

Янь Жань, глядя на этот парад мужских тел, подавленно вздохнул. Ему хотелось уйти и вернуться попозже, но тут же в голову прокралась коварная мысль: а если он придет позже и Цзичун предложит пойти вместе? Отказать или согласиться?

Выбора не оставалось. Стиснув зубы, он пробрался к крану, набрал воды и забился в самый дальний угол, стараясь поскорее закончить с процедурами.

Для парней помывка была чем-то вроде сражения или азартной игры. Те, кто понаглее, то и дело норовили отвесить кому-нибудь подзатыльник или шлепнуть соседа. Еще не достигнув совершеннолетия, они уже всюю принимались мериться мускулами, а заодно и... достоинствами.

Янь Жань молча жался в углу, считая подобные забавы верхом глупости. При этом он не сводил глаз с двери, боясь увидеть Сяо Цзичуна. К счастью, тот так и не появился до конца его купания. Он выдохнул с облегчением: Цзичуну, с его врожденным благородством, совершенно не пристало находиться в этой неотесанной компании. А уж то, что все эти люди могли на него пялиться, и вовсе казалось ему кошунством.

Сам Жань-жань был существом субтильным — эдакий ходячий скелет, на которого парни бросали случайный взгляд и тут же теряли всякий интерес.

Натянув пижаму и подхватив таз, он вышел в коридор, где у входа в туалет уже выстроилась очередь. Для подростков, не привыкших к дисциплине, самостоятельное построение было задачей не из легких.

У дверей стоял инструктор и зычным голосом наводил порядок. Это был рослый, нарочито грубый мужчина лет двадцати с небольшим. Несмотря на молодость, от него, в отличие от пятнадцатилетних школьников, за версту веяло зрелым мужским тестостероном — давящей силой, против которой невозможно было устоять.

Янь Жань, будучи натурой робкой, опасался этого человека, но путь в казарму лежал как раз мимо него. Чувствуя на себе пристальный взгляд офицера, он еще ниже опустил голову, надеясь проскочить незамеченным.

Внезапно инструктор тяжело хлопнул его по спине.

— Ты ешь побольше, — припечатал инструктор под дружный хохот очереди. — Одни ребра торчат, кожа да кости. Ты ж слабее девчонок. Не ровен час, в обморок на плацу грохнешься.

Янь Жань залился краской от стыда. Не проронив ни слова, он почти бегом бросился в казарму.

Вернувшись, он сразу заметил Сяо Цзичуна. Тот все еще сидел на его койке в полном одиночестве. Янь Жань принялся расставлять свои принадлежности, украдкой поглядывая на друга. Цзичун выглядел мрачнее тучи и не отрывался от книги.

— Ты чего не идешь мыться? — осторожно спросил Янь Жань.

Тот поднял глаза.

— Там сейчас людей, как пельменей в кастрюле. Не горю желанием толкаться в толпе мужиков. Еще, чего доброго, запачкаюсь сильнее, чем отмоюсь.

На самом деле «запачкаться» там было сложно, но Янь Жань спорить не стал. В голову пришла иная догадка.

— Сяо Цзичун, у тебя что, брезгливость повышенная?

Тот чуть прищурил свои миндалевидные глаза. Когда он смотрел так лениво и рассеянно, в его облике проступало нечто утонченно-небрежное.

— С чего ты взял?

— Папа говорил, что твоя мама раньше работала в лаборатории, и эта тяга к стерильности у нее — профессиональная.

— Да брось, — фыркнул Цзичун. — Клиническая брезгливость — это уже из области психиатрии, симптом навязчивых состояний. Мы с матерью просто любим чистоту чуть больше остальных.

«Понятно», — мысленно отметил Янь Жань. Кажется, Цзичуну не нравилось, когда его считали чистюлей.

Желающих помыться было столько, что умывальня опустела лишь к одиннадцати часам. Сяо Цзичун наконец собрал вещи и подхватил таз, но в этот самый миг лампы мигнули и погасли.

По коридорам прокатился разноголосый вой:

— Эй! Свет вырубили!

— А ну, притихли, щенки! — рявкнул инструктор. — Отбой! Всем спать!

Сяо Цзичун замер с тазом в руках.

Янь Жань уже лежал в постели, опустив полог москитной сетки, и молча наблюдал за ним, пока тот не скрылся за дверью.

Вскоре Сяо Цзичун вернулся. В комнате уже вовсю шептались другие ребята, поэтому он действовал скрытно: воровато отогнул край сетки на кровати Янь Жана и прошептал прямо ему в ухо:

— Янь Жань, пойдём со мной на пару минут.

От такой внезапной близости сердце Янь Жана едва не выскочило из груди. Не успел он спросить, в чём дело, как Цзичун уже бесшумно выскользнул в коридор.

Пришлось натягивать тапочки и спешить следом. Цзичун привёл его напрямиком в умывальню. Там было темно, но свет из коридора немного разгонял мрак. Людей не было.

— Я только собрался мыться, а там крыса пробежала, — тихо признался Сяо Цзичун. — Постой здесь, пока я закончу, ладно?

Янь Жань оторопел. «Неужели Сяо Цзичун боится крыс?!»

Отказать он не мог. Пришлось стоять в сторонке, пока друг умывался. Пялиться на раздетого Цзичуна было неловко, но и совсем отворачиваться — странно. Янь Жань стоял пунцовый, не зная, куда деть глаза. Когда Цзичун заговаривал с ним, он бросал короткий взгляд через плечо, а все остальное время сосредоточенно изучал ночных бабочек, вьющихся у тусклой лампочки под потолком.

Сяо Цзичун все делал молниеносно: его мозг работал в разы быстрее, чем у обычных людей. Но вот мылся он вызывающе медленно. Для Янь Жана эти минуты превратились в изощренную пытку.

Когда Цзичун наконец оделся, Жань-жань выдохнул с облегчением.

Но стоило им выйти в коридор, как они нос к носу столкнулись с проверяющими. Заметив двух полуночников, инструктор привычно рявкнул на идущего впереди Янь Жана и уже замахнулся для подзатыльника. Однако чья-то рука остановила его.

— Не стоит бить по затылку, это опасно, — раздался спокойный голос.

Офицер помрачнел, собираясь обложить наглеца трехэтажным матом, но, узнав Сяо Цзичуна, мгновенно остыл. Тон сменился на почти миролюбивый:

— Быстро в койки. Подъем в семь утра.

После вечерней викторины Сяо Цзичун стал знаменитостью лагеря. Его знали в лицо не только ученики, но и весь офицерский состав. Признавая в нем гения, взрослые невольно прощали ему мелкие вольности и относились с негласным уважением.

Парни торопливо поблагодарили инструктора и юркнули в казарму.

Янь Жань лежал на своей койке, глядя на днище верхнего яруса. Он знал, что прямо над ним лежит Сяо Цзичун. В памяти невольно всплывала ослепительно белая кожа друга.

«До чего же он белый... Прямо как молоко», — пронеслось в голове.

От этой мысли Янь Жаня обдало жаром, и он поспешно накрыл лицо ладонями.

Первый день сборов был лишь цветочками. Дальше начались бесконечные часы на плацу: отработка стойки, поворотов, маршировки. Солнце палило нещадно, усталость копилась с каждой минутой, а одежда пропиталась потом и пылью. Все — и парни, и девчонки — превратились в одинаковых замученных «чертят». Вечером сил не оставалось даже на разговоры, не то что на развлечения.

Вместо отдыха их ждала иная проверка.

В час ночи, когда казарма спала мертвым сном, тишину разорвал истошный звон сирены.

Те, кто покрепче, даже не пошевелились, пока из громкоговорителей не раздался громовой голос главного инструктора:

— Боевая тревога! На сборы — десять минут! Кто не успеет, будет стоять в карауле два часа!

Казарму накрыл хаос. Ребята подрывались как ошпаренные, в панике натягивая одежду и путаясь в штанинах. Сяо Цзичун уже стоял в строю на плацу, когда заметил — Янь Жаня нет!

Он огляделся — пусто. Спросил соседей — никто его не видел. Не раздумывая, Цзичун вырвался из строя и бросился обратно к жилому корпусу.